

УДК 316.47

Влияние информационной и этноконфессиональной среды на формирование семейных ценностей разных поколений в Татарстане*

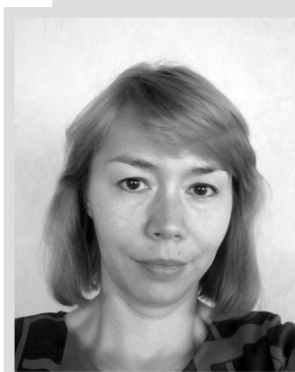

Максимова О.А.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры общей и этнической социологии Казанского (Приволжского) федерального университета, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Беляев В.А.

Доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

Мингазова А.М.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и менеджмента Казанского национального исследовательского технического университета им. А.Н. Туполева – КАИ

В статье на основе репрезентативного опроса населения Республики Татарстана проанализировано перекрестное противоречие между воздействием современных информационных технологий и традиционных конфессиональных ценностей в полиэтноконфессиональном обществе на отношение индивидов к браку и детям. Обосновано, что это противоречие в значительной мере «гасит» популярность радикальных суждений. Крайние установки дифференцированы по поколениям и распространены в основном среди самых юных и пожилых. Умеренные оценки брака, детности и усыновления, ориентированные на сохранение полной нуклеарной семьи, характерны для остальных поколений респондентов.

Ключевые слова: постмодернизм, модернизм, традиционализм, информационные технологии, чайд-фри, поколение, радикальный феминизм, ювенальная юстиция, усыновление.

Информационные технологии и активное распространение социальных медиа в целом способствуют постепенной элиминации традиций патриархального общества. Модернизация в первой половине XX в. привела к урбанизации российско-

го общества со свойственными ей определенной эмансипацией женщин и молодежи, переходом к

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках проекта № 17-06-00474; при поддержке РФФИ и Правительства Республики Татарстан в рамках проекта № 18-411-160011.

нуклеарной семье и малодетности, а последствием Великой Отечественной войны стало терпимое отношение к некоторой полигинии (в силу катастрофической нехватки мужчин), к беспризорности и безнадзорности детей, то есть к их биологическому и социальному сиротству. Пропагандируемые же ныне через социальные сети постмодернистские ценности опираются прежде всего на ювенальную юстицию, пропаганду радикального феминизма и даже идеологию чайлдфри [1]. Индивиды, подвергшиеся воздействию подобных ценностей, особенно в западных странах, предпочитают приравнивать права младенцев и взрослых людей, обучать детей полигендерным установкам и тем самым ведут к разрушению не только патриархальной расширенной семьи, но и обычной городской нуклеарной. Это становится одной из предпосылок генезиса нового вида социального сиротства – феномена детей, отобранных у родителей за «шлепки» или – пока лишь на Западе – за отказ обучать своих детей плюрализму полов и сексуальных практик.

Вместе с тем поликонфессиональная среда российского общества во многом стабилизирует семейно-брачные отношения. Если пересечение самых разных культур с неодинаковыми традициями в США облегчает ликвидацию прежних моральных норм, привезенных переселенцами из разных стран, деструкцию нравственных запретов и разных табу (в силу взаимного «гашения» несовместимых традиций), то в России еще со времен Советского Союза ориентация на патриархальную и на современную городскую семью довольно мирно уживались. А различия между этими двумя ориентациями были часто связаны с видом поселения (мегаполис – малый город – село), с принадлежностью к старшему или молодому поколению, со степенью религиозности членов семьи и с видом конфессии (ислам, православие и др.). Противоречия проявлялись лишь в моральном осуждении старшим поколением поздних и «гражданских» браков, разводов, малодетности, аборт, контрацепции, добрачных, парабрачных и постбрачных связей [2; 3].

Одновременно пропаганда постмодернистских ценностей через современные социальные медиа имеет своей целью атаку на все предыдущие семейно-брачные и сексуальные практики. Очевидно, что больше подвержено такому воздействию именно поколение, вошедшее в сознательную жизнь в 2010-е гг.

Чтобы определить степень воздействия этих разнонаправленных тенденций, целесообразно сопоставить уровень вовлеченности в социальные сети и степень религиозности разных поколений российских граждан. В рамках нашего проекта в конце 2017 г. было опрошено 1480 человек, из них 613 русских, 669 татар, остальные – иных национальностей в основных населенных пунктах РТ (мегаполи-

се – Казань, крупных городах – Набережные Челны и Нижнекамск, средних и малых городах и сельской местности). Респонденты в возрасте до 24 лет составили 16,1 %, от 25 до 34 лет – 21,2 %, от 35 до 44 лет – 17,5 %, от 45-54 лет – 16,1 %, от 55 до 64 лет – 14,5 % и от 65 лет и старше – 14,5 %.

Опрос показал, что *верующими* себя считают 60,7 % респондентов, в том числе от 50,4 % в возрасте до 24 лет и до 71,7 % у старшего поколения (свыше 65 лет). Русские менее религиозны, чем татары (57,2 % vs 67,3 %). Определенное воздействие религиозных ценностей на семейные практики ощущают и респонденты, ответившие «*Колемлюсь между верой и неверием*» (всего их 13,2 %, корреляции по возрасту и национальности не отмечено). Тем самым подавляющее большинство опрошенных признают значимость тех или иных традиционных религиозных установок.

Для многих не меньшую, а большую роль в формировании их установок на семейные отношения играет интернет, сотовая связь и социальные сети. В силу этого обратную по возрасту картину можно видеть при анализе ответа на вопрос «*Как часто Вы выходите в Интернет?*». Если в целом по всей выборочной совокупности ежедневно пользуются интернетом 69,0 % опрошенных, то среди русских таких интернет-увлеченных 70,0 %, а среди татар – 67,7 %. Показательно, что в этом вопросе прослеживается четкая обратно пропорциональная зависимость частоты выхода в интернет от возраста: у респондентов до 24 лет – 93,3 %, от 25 до 34 лет – 90,3 %, от 35 до 44 лет – 85,6 %, среди 45-54-летних – 61,5 %, у 55-64-летних – 53,6 % и среди старшего поколения – 13,7 %. Таким образом, интернет-технологии становятся образом жизни и способом основной коммуникации прежде всего молодых. Таким образом, противоречие между ценностями постмодернистского общества, пропагандируемыми через интернет, и традиционалистскими установками трансформируются в определенный межпоколенческий конфликт.

Рассмотрим этот конфликт на примере отношения к браку, детям и сиротству.

Так, с утверждением «Брак в наше время устарел; люди должны сходиться и расходиться по собственному желанию» полностью согласны 8,5 % опрошенных – их можно назвать убежденными «постмодернистами». Наше предположение подтверждается: среди самой юной категории респондентов таких «постмодернистов» больше всего (11,0 %), а среди самых старших – 7,0 %.

Скорее согласны с названным утверждением 10,5 % респондентов, их можно назвать приверженцами городской, модернистской культуры, которая преобладала и в Советском Союзе, одним из первых в целях эмансипации женщин провозгласившем право на развод. По возрасту: 15,6 % и 15,8 % опро-

шенных из «поколения реформ» (до 24 лет и от 25 до 34 лет, соответственно) и всего 4,2 % «поколения застоя» (свыше 65 лет) выбрало такой вариант ответа. Очевидно, что воздействие постмодернистских ценностей с возрастом сокращается.

Противоположную картину можно наблюдать среди выбравших ответ «Не согласен»: всего таковых 50,8 %, в том числе 35,4 % у самых юных и 65,4 % у самых старших, связанных не столько с интернетом, сколько с профессиональными ценностями. Как видим, доля людей с консервативным отношением к браку довольно определенно детерминируется возрастом опрошенных.

Целый ряд вопросов нашего исследования был связан с выяснением остроты межпоколенческого конфликта. Анализ их уже публиковался в ряде статей и показал преобладание довольно мирных отношений между поколениями в опрошенных семьях и наличие конфликтов чаще всего по несущественным, преимущественно бытовым проблемам [4; 5].

Опрос продемонстрировал позитивное отношение большинства респондентов к деторождению. Так, у подавляющего большинства (67,2 %) опрошенных дети уже имеются, естественно, что доля детных респондентов повышается вместе с возрастом респондентов: от 2,1 % среди самой молодой категории до 92,0 % у пожилых. Поскольку среди татар верующих больше, а традиционные конфессии благосклонны к деторождению, то удельный вес детных среди опрошенных татар несколько выше, чем среди русских (69,5 % vs 65,5 %). Тем самым опрос показывает, что в вопросе о детях распространяемые социальными медиа постмодернистские ценности еще больше проигрывают ценностям традиционных религий.

Более многогранная картина вырисовывается при анализе проблем усыновления сирот, в частности, при ответах на вопрос «Как бы Вы отнеслись к тому, что кто-то из Ваших знакомых возьмет на воспитание ребенка-сироту?» (респондентам предлагалось выбрать не более двух вариантов ответов). Установкой, опирающейся на постмодернистские ценности, можно назвать выбор суждения «Это их решение и их проблемы, мне безразлично». Так ответили 15,2 % респондентов (17,3 % среди татар, а среди русских – 12,8 %). Видно, что такое дистанцирующее *privacy* более популярно среди малого молодого поколения, того, которое ежедневно проводит значительную часть времени в интернете – 22,7 % выбрало данный вариант, тогда как старшее поколение, больше ориентированное на разные формы религиозного и социального контроля и привыкшее к транспарентности всей жизни и взаимопомощи, гораздо реже отстраняется от оценки усыновления детей своими знакомыми: среди них таковых всего 12,6 %.

Гораздо противоречивее отношение к усыновлению сирот у сторонников традиционалистских

взглядов на семью и детей. С одной стороны, религиозные каноны приветствуют обретение ребенком семьи, с другой – межконфессиональные барьеры в ряде случаев препятствуют усыновлению. Поэтому авторы статьи предлагают считать традиционалистскими три варианта суждений. Так, в частности, ответ «Восхитился бы их смелостью, так как они принимают такое ответственное решение» выбрали 53,2 %, причем среди татар таковых больше, чем среди русских (54,9 % против 51,3 %, соответственно), что объясняется большей долей верующих в среде татар. К этому можно прибавить и суждение «Понял бы их, так как они испытают радость родительства», которое указали 41,8 % (45,1 % русских и 38,9 % татар). Негативное, но тоже традиционалистское отношение к усыновлению показали те, кто выбрал вариант «Воспринял бы отрицательно, ребенок может быть другой национальности и религии, и могут возникнуть серьезные трудности понимания поступков ребенка»: 1,1 % всех респондентов (0,3 % русских и 1,8 % татар, что детерминировано большей ролью запретов в исламе).

В определенной степени остальные варианты ответов можно считать опирающимися на культуру городского модернистского общества. В частности, вариант «Не понял бы такой поступок, ведь сложно с родными детьми, а тут – чужой» указали 5,0 %, корреляции по национальности и возрасту не отмечается. Утверждение «Воспринял бы отрицательно, мало ли какая генетическая наследственность у ребенка» выбрали всего 2,8 % опрошенных.

Тем самым в отношении усыновления большинство нашего общества стоит на ценностях традиционалистской (а не модернистской, а тем более не постмодернистской) культуры, благосклонно оценивающей данные процессы.

Опрос содержал и более активистский и личностный вариант вопроса, показывающий степень готовности респондента на действия. На вопрос «А Вы лично задумывались о том, чтобы усыновить ребенка?» дали ответ, характерный для людей с полярными ценностями «Нет, не задумывался(-лась), точно не планирую усыновление» 56,4 % русских респондентов и 64,3 % татар. При этом прослеживается строгая корреляция по возрасту доля людей, предпочитающих данный вариант: от 37,1 % у респондентов моложе 24 лет до 90,5 % старше 65 лет. Дело в том, что такой вариант ответа может выбирать часть «постмодернистов» (чайлдфри и люди, отрицающие брак в принципе) и большая часть традиционалистов, ориентированная на многодетность через самостоятельное деторождение в семье и на отказ от усыновления детей-иноверцев.

Противоположный ответ «Да, и предпринимал(-а) определенные действия» выбрали лишь 0,5 % русских и 1,2 % татар.

Вариант «Да, задумывался(-лась), но чисто гипотетически» предпочли 24,7 % русских и 20,3 % татар, а ответ «Нет, не задумывался(-лась), но не исключаю такой возможности в будущем» указали 17,2 % русских и 13,5 % татар (при этом прослеживается определенная корреляция по возрасту – от 34,2 % у самых юных до 5,2 % у самых пожилых). На наш взгляд, выбор этих вариантов превалирует у людей с городским, модернистским менталитетом.

Следующая проблема связана с так называемым «законом Димы Яковлева». Так, вопрос «Как Вы относитесь к иностранному усыновлению российских сирот?» 21,5 % русских и 19,9 % татар ответили «Положительно, так как такое усыновление дает шанс сиротам на нормальную жизнь». По возрасту прослеживается обратно пропорциональная зависимость в выборе этого ответа – от 30,3 % у самых молодых до 13,5 % у пожилых. Такой вариант предпочитают люди с модернистскими и постмодернистскими убеждениями.

Традиционалисты относятся к иностранному усыновлению отрицательно, считая, что дети должны оставаться в своей стране, усыновление должно ограничиваться только российскими семьями – таковых 22,7 % среди русских и 27,7 % среди татар. В этом ответе видна и корреляция по возрасту: от 10,1 % среди самых юных до 54,0 % среди пожилых.

Модернистский вариант «Нейтрально, все зависит от конкретной ситуации» предпочли 48,8 % русских и 42,5 % татар. Это свидетельствует о превалировании городского мировосприятия среди респондентов и в этом вопросе.

Весьма показательны ответы, требующие компаративного анализа причин различий в отношении к способам жизнеустройства детей-сирот в нашей стране и за границей. Так, на вопрос «Как Вы думаете, почему усыновление и приемная семья как формы устройства детей-сирот не так популярны в России, как в зарубежных странах?» (можно было выбрать не более двух вариантов ответов), суждения, связанные со страхом резко понизить свой уровень благосостояния, выбрало относительно большинство опрошенных: самый распространенный вариант «Потенциальных родителей пугают материальные проблемы, с которыми они могут столкнуться» назвали 43,6 % русских и 47,9 % татар; а вариант «Отсутствуют налоговые льготы и серьезная материальная помощь государства» предпочли 24,3 % русских и 22,0 % татар.

Социальные причины названных различий в отношении к усыновлению не столь популярны среди респондентов: выделили вариант «Потенциальные родители могут опасаться осуждения со стороны родственников, знакомых» 6,6 % русских и 10,9 % татар; ответ «Отсутствует позитивное восприятие обществом процесса усыновления» превалирует у 8,7 % русских и 10,8 % татар; мнение, что «Потенциаль-

ные родители боятся брать на себя ответственность перед государством за воспитание таких детей» высказали 7,7 % русских респондентов и 13,8 % татар.

Гораздо более значимым для людей являются биологические проблемы, к которым опрошенные, видимо, относили и проблемы, связанные с материнской депривацией в младенческом возрасте: соответствующий вариант «Потенциальных родителей пугает плохая генетическая наследственность детей» предпочли 38,0 % русских и 35,9 % татар. При этом корреляции по возрасту не установлено.

Подводя итоги, можно сказать, что перекрестный конфликт между воздействием постмодернистских ценностей, транслируемых социальными медиа, и конфессиональными ценностями в полиэтноконфессиональном обществе Татарстана в целом заметно «гасит» популярность наиболее радикальных суждений. Такие суждения четко дифференцируются по поколениям и распространены среди крайних генераций опрошенных (самых юных и пожилых). Взвешенные оценки брака, детности и усыновления присущи всем остальным поколениям респондентов.

Литература:

1. Беляев В.А., Мингазова А.М. Постмодернистские и псевдорелигиозные симулякры межпоколенческих отношений как источник воспроизводства социального сиротства // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 239-243.
2. Дорофеев Ф.А. Современная российская семья: основные угрозы и практика общественного противодействия // Семья: феноменология повседневности. Коллективная монография. – Нижний Новгород, 2016. – С. 378-383.
3. Мингазова А.М., Беляев В.А. Варианты этноконфессиональной идентичности и толерантности в среде студенческой молодежи // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 287-291.
4. Ахметшина А.А., Беляев В.А., Максимова О.А. Воздействие информационных технологий на преемственность и конфликт между реальными и условными поколениями // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 3. – С. 134-139.
5. Нагматуллина Л.К., Максимова О.А. Диалог поколений в пространстве внутрисемейных трансфертов: в контексте дискурса реальных и условных поколений // Вестник экономики, права и социологии. – 2018. – № 2. – С. 186-192.

**Influence of Informational and Ethno-Confessional Environment
on the Formation of Family Values of Different Generations in Tatarstan**

O.A. Maximova

Kazan (Volga Region) Federal University

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev - KAI

V.A. Belyaev, A.M. Mingazova

Kazan National Research Technical University named after A.N. Tupolev - KAI

Based on a representative survey among the population of the Republic of Tatarstan, the paper addresses the cross contradictions between the impact of modern information technologies and traditional religious values in a multiethnic society on the attitude of individuals towards marriage and children. It is substantiated that this contradiction largely “dampens” the popularity of radical judgments. Extreme installations are differentiated by generations and are widespread mainly among the youngest and the oldest residents. Moderate estimates of marriage, children, and adoption, aimed at preserving traditional nuclear family, are common among other generations of respondents.

Key words: postmodernism, modernism, traditionalism, information technology, childfree, generation, radical feminism, juvenile justice, adoption.

